

**ФРАНКОФОНИЯ В XVIII – XIX ВЕКАХ:
ЛИТЕРАТУРНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

(Париж, 29 – 30 апреля 2011 года)

Сегодня под термином «франкофония» понимается распространение французского языка, начавшееся в середине прошлого века после распада колониальной системы Франции и приведшее к формированию представительной международной культурной организации, насчитывающей более 50 стран-участниц. Однако история знает иные эпохи, когда французский язык по свободному выбору становился языком культуры, литературного творчества, науки для жителей многих европейских стран, – это XVIII и XIX столетия. Изучению этого периода, благоприятного для французской философии и моды, французского театра и романа, французских методов воспитания и периодических изданий, была посвящена международная конференция «Франкофония в XVIII – XIX веках: литературные, исторические и культурные перспективы», проведенная 29 – 30 апреля 2011 года совместными усилиями университетов Сорбонна, Новая Сорбонна (Париж 3), университета г. Орлеана, Высшей Нормальной Школы и Национального Центра Научных Исследований (Франция). Открывая мероприятие, *Франсин-Доминик Лиштенан* (НЦНИ – Сорбонна) напомнила его участникам и слушателям о смысловом зазоре между современной концепцией франкофонии и культурным контекстом Просвещения, в котором французский язык приобрел роль средства универсальной межкультурной коммуникации. Исследовательница также разъяснила выбор хронологических рамок: именно с XVIII столетия французский язык становится прочной связующей нитью между представителями разных цивилизаций, зачастую отказывавшихся от родного языка в пользу французского при создании литературных произведений, научных и философских трактатов, при деловой и личной переписке и т.д. По окончании же первой мировой войны Франция слагает с себя полномочия культурного гегемона: «отец Победы», премьер-министр Третьей Республики Жорж Клемансо предлагает в 1918 году составить текст мирного договора на английском.

Основные тезисы, озвученные Ф.-Д. Лиштенан, развил в первом докладе «*Франкофония: исторический и теоретический подходы*» *Жан Бесьер* (Новая Сорбонна, Париж 3). Изложенные им факты заставляют иначе взглянуть на процесс становления франкофонии в первой половине XX века. Деятельность тех социальных сетей, благодаря которым французские язык и культура проникали, к примеру, в страны Латинской Америки, США, по своим результатам причудливым образом напоминает труды путешественников-авантюристов, помогавших продвижению всего французского на восток от Рейна в эпоху Просвещения. Так, французский становится одним из языков периодической печати благодаря усилиям журналистов в Аргентине в 1920 – 30-е годы и поддерживает моду на французскую бытовую культуру в среде аргентинских интеллектуалов межвоенного периода. «Переносчиками вируса галломании» в США в ту же эпоху являются не столько тонкие ценители высокого искусства, как Дж. Дос Пассос, а литераторы менее образованные, зато сильнее увлеченные парижским культурным пространством, такие как Генри Миллер. Таким образом, Ж. Бесьер подверг пересмотру образ Парижа (и шире Франции) как столицы франкофонной литературы. В поддержку этой мысли выступил с репликой один из организаторов конференции *А.Ф. Строев* (Новая Сорбонна, Париж 3), отметивший, что даже в XVIII веке иноземный (прежде всего русский) писатель, приезжавший во Францию с целью изучения языка и импортировавший затем на родину французское культурное и литературное достояние, очень часто рассматривался на родине как ренегат.

Доклад *Катрин Вьоле* (НЦНИ – ВНШ, Франция) «*Личные документы на французском языке в европейских архивах*», во-первых, подвел промежуточные итоги изучения бытовых текстов (дневников, путевых заметок, личной переписки), написанных по-французски жителями разных европейских стран и хранящихся в местных архивах, во-вторых, очертил перспективы дальнейшей работы.

Если архивы России, Польши, Нидерландов, Германии, Швеции, Великобритании достаточно хорошо изучены местными исследователями в сотрудничестве с французскими коллегами – составлены каталоги рукописей, проведен подробный анализ текстов, то многие центрально- и восточноевропейские хранилища документов (Румыния, Венгрия, Украина, страны Балтии – добавим от себя и Беларусь) остаются для специалистов по франкофонии *terra incognita*. Катрин Вьоле отметила в этой связи, что реальный масштаб литературной франкоязычной практики в Европе XVIII – XIX веков остается до конца неопределенным и нуждается в существенном уточнении. К тому же, исследование личных документов, помимо историков литературы, могло бы представлять интерес и для лингвистов, занимающихся проблемами диглоссии, поскольку большое количество бытовых текстов написано на двух языках (например, французский перемежается с русским, немецким, английским). Актуальными могли бы быть ген-

дерные исследования на данном материале, ведь как показало изучение дневников и путевых заметок русской знати 1770 – 1830-х годов, мужчины и женщины по-разному и в разных ситуациях пользовались французским языком.

Доклад **Е.П. Гречаной** (университет г. Орлеана, Франция) «*Функции французского языка в текстах, написанных русскими по-французски*» содержательно был несколько менее объемным, чем заглавие, однако в смысловом отношении чрезвычайно богатым, предлагающим новые подходы к изучению франкоязычной литературы в России в 1840 – 1860-е годы, вводящим в научный обиход ранее не изучавшиеся произведения. В отмеченный период, в отличие от эпохи Просвещения и времен царствования Александра I, французский язык не рассматривался более в Москве и Петербурге как инструмент широкой коммуникации, средство создания нового светского «общества». Елизавета Дмитриевна Улыбышева, издавшая сборник стихотворений на французском «Искры и угли» («*Etincelles et cendres*», 1842), называла себя «непонятым поэтом» («*un poète incompris*»), другое ее произведение, «Дневник одинокой женщины» («*Journal d'une solitaire*», 1853), русская критика той поры осудила как старомодное. Современница Улыбышевой, Варвара Дмитриевна Римская-Корсакова свое сочинение «Парижский сезон» («*Une saison à Paris*», 1863) вовсе адресовала исключительно французской публике. По мнению Е.П. Гречаной, литературные труды этих писательниц были отнюдь не ретроградскими или антипатриотическими, а направленными на расширение пространства русской национальной литературы.

В докладе **В.С. Ржеуцкого** (университет Париж 10) «*Диалог культур во франкоязычной прессе в России в царствование Елизаветы Петровны*» было проанализировано содержание периодики, издававшейся в 1740 – 1760-е годы в Петербурге и Москве. Издания «*Gazette de Saint-Petersbourg*» («Санкт-Петербургская газета»), «*Journal des sciences et des arts*» («Журнал наук и искусств»), «*Le Caméléon littéraire*» («Литературный хамелеон») были первыми и не всегда простыми попытками привить в России новые способы распространения информации. Показательно, что они печатались на французском языке, но информацию черпали из разных, в том числе и из английских и немецких литературных источников, пытаясь привлечь самую широкую публику. В этом плане франкоязычные издания подготовили ситуацию для выпуска на русском языке первого ежемесячного журнала Петербургской Академии Наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755 – 1764).

Доклад **Кароль Шапен** (университет Париж 3) «*Франкоязычные вставки в российских периодических изданиях XVIII века*» также был посвящен анализу литературно-художественных журналов в России, на этот раз екатерининской поры. В таких изданиях, как «*Всякая всячина*», «*Адская почта*», «*Смесь*», «*Собеседник любителей русского слова*», галломания была постоянным объектом насмешек, и в то же время в их статьях иногда встречаются имена французских авторов, заглавия литературных произведений, цитаты из них на языке оригинала. Исследовательница, приведя множество любопытных примеров, каждый объяснила совокупностью мотивов – от простого удовольствия цитировать до создания сложной игры смыслов или вынужденной необходимости, часто связанной с отсутствием в русском языке того времени должного эквивалента. Таким образом, К. Шапен показала, что употребление французского языка в российской прессе создавало основания для бесконфликтного культурного диалога без крайностей галломании и галлофобии, обогащения русской национальной культуры.

Продолжением русской тематики на конференции стал доклад **Н.Л. Дмитриевой** (ИРЛИ – Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) «*Французский театр графа Григория Чернышева*». Исследовательница подчеркнула особую культурную роль, которую играли в частной жизни высшей русской аристократии домашние театры, многие спектакли в которых ставились на французском языке. Не было исключением и театр жены Павла I, императрицы Марии Федоровны. Ее увеселениями руководил граф Григорий Иванович Чернышев, не только умелый постановщик, но и автор комедий, «бурлескных трагедий», драматических пословиц. Сюжет одной из них – «*L'Amour tiré par les cheveux*» («*Любовь, притянутая за волосы*») – наглядно демонстрирует характер франкоязычных сочинений графа Чернышева и вкусов, которым они должны были соответствовать: дворянин, в умозрении колеблющийся между блондинками и брюнетками, в реальной жизни выбирает из двух женских париков – белого и черного. На новом материале Н.Л. Дмитриева подтвердила известную мысль: легкость, непринужденность и игривость рассматривались в России XVIII века как неотъемлемые черты высокой культуры аристократического быта и выражались по преимуществу на французском языке.

Доклад **А.Ф. Строева** был назван не без умысла провокационно – «*Вольтер – франкоязычный писатель: одно малоизвестное произведение*». «*Ода. Польским конфедератам*», помещенная в приложении к письму фернейского патриарха к Екатерине II от 12.02.1772, впервые была напечатана автором доклада в 2006 году в изданной им переписке Вольтера и русской императрицы. Авторство сочинения однозначно не установлено. Вольтер, использовавший за свою жизнь в литературе без малого две сотни псевдонимов, уверял свою августейшую корреспондентку, что стихотворение написано неким господином Дар-

той, курляндцем. Однако идейное содержание оды, помещенное в контекст сочинений К.К. де Рюльера («История анархии в Польше»), Ж.-Ж. Руссо («Рассуждения об образе правления в Польше»), а также вышедшего к концу века романа маркиза де Сада («История Жюльетты, или Преуспевания порока»), указывает на еще одну гипотетическую маску Вольтера – франкоязычный писатель. Подобный прием позволял Вольтеру высказывать рискованные парадоксы от чужого имени.

В докладе «*О малоизвестном первоиздании автопереводов стихотворений Е.А. Баратынского на французский язык*» **С.В. Власов** (Санкт-петербургский государственный университет) подверг критике академические издания произведений Евгения Баратынского под редакцией М.Л. Гофмана и Л.Г. Фризмана за текстологическую невыверенность автопереводов некоторых сочинений поэта на французский язык. Первая публикация этих переложений, выполненных в 1843 – 1844 годах, состоялась в Сете в 1858 году. Однако, как доказал С.В. Власов, основываясь на рукописях, хранящихся в архиве Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге, безоговорочно называть упомянутые тексты автопереводами не вполне корректно. Манускрипты содержат правку, сделанную, по всей вероятности, рукой супруги Баратынского. В выступлении анализируются два французских перевода 1858 года, отличающиеся от известных нам автопереводов самого поэта, и выдвигается гипотеза, что и другие автопереводы Баратынского, известные нам по автографам поэта, были подвергнуты редакторской правке, в которой могли участвовать, прежде всего, парижские друзья Баратынского – Анастасия и Адольф де Сиркур. Эти варианты становятся, таким образом, важной текстологической единицей для усовершенствованных изданий произведений поэта.

В докладе **Эмили Мерфи** (университет г. Ноттингема, Великобритания) «*Путевые дневники, написанные по-французски русскими женщинами*» были проанализированы хранящиеся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга личные документы русских аристократок конца XVIII – начала XIX века. Исследовательница выбрала гендерный подход, поскольку к этому обязывает сам материал: за период с 1777 по 1847 год в различных хранилищах Российской Федерации обнаруживается более ста путевых дневников, созданных на французском языке женщинами из семей Голицыных, Воронцовых, Шуваловых, Куракиных, Мятлевых, что значительно больше, чем количество таких же документов, авторами которых являются мужчины. Более того, употребление языка в женских сочинениях этого рода специфично – исследователю приходится иметь дело не с нормализованной, а фонетической орфографией («как слышу, так и пишу»), что указывает на особый характер женского образования в упомянутый период.

Второй рабочий день конференции был открыт двумя докладами исследователей-историков из университета Сорбонна. **Оливье Шалин** в докладе «*Европейская фортификация по-французски*» отметил, что искусство создавать оборонительные укрепления в XVIII – XIX вв. не знало себе равных среди прочих сфер профессиональной деятельности по числу говоривших и писавших специальные трактаты по-французски инженеров и офицеров. Среди них были не только французы, но также бельгийцы, швейцарцы, лотарингцы, эльзасцы, служившие при прусском, саксонском, австрийском дворах и не редко воевавшие друг против друга под разными знаменами. Большое количество специальных фортификационных франкоязычных терминов определило и общее распространение французского языка в этой сфере. В качестве эффектного доказательства О. Шалин привел копию описания укрепления города Швайдниц на французском языке, принадлежащего руке Фридриха II Прусского.

Мари-Франсуаз Важда в докладе «*Французский язык в Венгрии в XVIII веке*» представила два аспекта франкофонии в Венгрии и Трансильвании: педагогическая деятельность различных католических орденов и культурный быт протестантской аристократии. Подчеркнем, что во многом положение французского языка в этой центральноевропейской стране в указанном столетии напоминало культурную ситуацию в Беларуси. Так же как и на наших землях, распространение французского языка в Венгрии началось относительно поздно – хотя первый учебник издается еще в 1728 году, активное преподавание начинается лишь во второй половине столетия. Так же как и литовские (белорусские) шляхетские роды, венгерское семейство Телеки было на родине проводником французских идей Просвещения, книжной культуры. Однако по мысли М.-Ф. Важда, наиболее важной задачей франкофонии в XVIII веке в Венгрии было рассказать о национальной культуре на доступном любому европейцу языке, представить другим свою национальную идентичность.

Доклад «*“Мошенники из Белой Руси”: франкофония иезуитов в Беларуси в XVIII – XIX вв.*» автора этого отчета тематически соприкасался с сообщением М.-Ф. Важда. В частности, была представлена литературно-педагогическая деятельность Общества Иисуса на территории Беларуси с 1772 (года присоединения части наших земель к Российской империи) по 1820 (год изгнания иезуитов из пределов империи): учебники французского языка, панегирики на французском Екатерине II, князю Григорию Потемкину, Павлу I, Александру I, полемические выпады против деятелей французского Просвещения.

Совместный доклад **Ирены Бакли** (Вильнюсский университет, Литва) и **Мари-Франс де Паласио** (университет Западной Бретани, г. Брест, Франция) «Франкофонный дискурс литовцев в XIX веке» развил тезис М.-Ф. Важда о французском языке как средстве пропаганды национальной культуры, чем активно занимались в Париже Адам Мицкевич, Иоахим Лелевель, другие деятели эмиграции после восстания 1831 г. Особенно подробно была рассмотрена научная и политическая деятельность последнего в сотрудничестве с Лафайетом и С. Платером. Единственным моментом доклада, вызвавшим у публики резонные вопросы, стало безоговорочное именование Мицкевича и Лелевеля литовцами. Видимо, создание дискурса национальной идентичности, четкого определения культурных границ для народов с общей историей Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского до сих пор остается актуальным.

Доклад **Мишеля Бро** (университет г. По, Франция) «Употребление языков в личном дневнике графини Валерии Тарновской» вновь был посвящен анализу личных документов и случаев диглоссии в них. Польская аристократка, ведшая дневники в 1800 – 1820-е годы, повторяет в своих путешествиях и соответственно в описаниях на французском языке те же маршруты и те же топосы, что и ее русские, английские, голландские современницы. Однако В. Тарновска, говоря о личных переживаниях, предпочитает добавлять к французским словам польские понятия, которые, как например *tesknota*, не имеют эквивалентов в других языках. «Тоска по родине», в данном случае, не является точным переводом, потому что родины, Польши как государства, на тот момент не существует; введение польского слова во французский текст позволяет выразить невыразимое, сугубо личное переживание.

Два следующих сообщения отражали не промежуточные достижения, а подводили итог многолетней комплексной работе. Так, **Мадлен ван Стрин-Шардоно** (Лейденский университет, Нидерланды) в начале своего доклада «Письменные тексты на французском языке в голландских архивах: личные дневники и путевые заметки XVIII века» представила статистический анализ франкоязычных бытовых текстов, созданных жителями Нидерландов с XVI столетия, особо отметив, что на эпоху Просвещения приходится пик популярности французского языка. Из всего массива франкоязычных дневников (630 текстов с 1523 по 1814 г.) в период с 1703 по 1814 год написано 454; то же с путевыми заметками: из общего числа (501 текст с 1509 по 1819 г.) в период с 1698 по 1819 год создано 409. Эти данные объясняют, почему многие французы (протестанты и попавшие в опалу аристократы), выбирали в качестве страны эмиграции Голландию, – не было нужды, как свидетельствует об этом биограф писателя Шарля де Сент-Эвремона, учить иностранный язык, адаптироваться к чужой культуре.

В своем докладе «Стихи и проза, написанные по-французски в Швеции» **Маргарета Эстман** (Стокгольмский университет, Швеция) представила результаты исследования франкофонных художественных произведений в Швеции, опубликованные ею в соавторстве с Х. Эстманом в монографии «На nive Аполлона. Франкоязычные литературные произведения, созданные в Швеции (1550 – 2006)» (Стокгольм, 2008). Как и в Нидерландах, использование французского языка в крупнейшей стране Скандинавского полуострова начинается в XVI веке, а наибольшее количество литературных трудов создается между 1719 и 1771 годами. Любопытным было социологическое наблюдение исследовательницы: среди шведских писателей-франкофонов в XVIII веке были не только аристократы-придворные и члены королевской семьи, но также большое количество простолюдинов. В заключении М. Эстман отметила, что традиции франкофонии в Швеции оказались устойчивы к изменениям литературных вкусов, приведя в пример имена трех современных авторов (С. Стремхольм, Б. Ларссон, Э. Танимура), активно пишущих по-французски и публикующихся в крупнейших парижских издательствах.

Два следующих доклада были сделаны представителями чешского университета Южной Богемии (г. Ческе-Будейовице). **Мартина Мусилова** в сообщении «Неопубликованные новеллы, романы и дневники княгини Александры Дитрихштейн, урожденной Шуваловой» представила хранящиеся в Моравском земском архиве (г. Брно) франкоязычные произведения наследницы известного русского аристократического рода. Проанализированные сочинения княгини Дитрихштейн практически неизвестны даже специалистам, в то время как речь идет не о случайных упражнениях в часы досуга, но о почти профессиональном подходе к писательству. Принцесса Дитрихштейн предстает перед потомками как автор цикла новелл на любовную тематику, отражающих культуру хорошо известных ей европейских стран («Русская любовь», «Немецкая любовь», «Швейцарская любовь», «Итальянская любовь»), небольшого аллегорического романа в духе «Житейских воззрений кота Мурра» Э.Т.А. Гофмана («Мемуары домашнего кота»), нескольких пьес для театра и ряда личных документов. Следует ли говорить, что доклад вызвал повышенный интерес у аудитории.

Малоизвестные произведения еще одного франкофонного писателя, чье наследие хранится в чешских архивах, были освещены в сообщении **Иво Цермана** «“Наставлять и нравиться”: подпольное творчество Лоло Клари». Внук знаменитого принца де Линя, Шарль-Жозеф (Лоло) Клари-Альдринген уже в подростковом возрасте написал для своего деда театральную пьесу. Первый опыт оказался для бу-

дущего писателя знаковым – все его сочинения стали образцами салонной литературы, цель которой – развлекать в часы досуга, как других, так и самого себя. Именно в этом ключе И. Церман представил путевые дневники Лоло Клари 1810 – 1829 годов, два его романа – «Роман в письмах» (1803), переносящий основные сюжетные линии «Опасных связей» Шодерло де Лакло в венские аристократические круги, и «Мемориал ковчега» (1831), своеобразный «претекст» к «Истории мира в 10 ½ главах» Дж. Барнса. Исследователь особо отметил важный для понимания характера творчества Лоло Клари факт: при жизни принц не опубликовал ни одно из своих сочинений, но при этом, по традиции салонных сочинителей XVII – XVIII веков активно распространял рукописи среди близких и знакомых.

В последнем докладе «*Французский язык при бранденбургском дворе и администрации в XVII – XVIII веках*» **Леонард Хоровски** (Фрайбургский Институт Высших Исследований, Германия) вернулся к теме, с которой историки открыли рабочий день конференции. Французский, как известно, вводится Фридрихом II в качестве языка внешней дипломатической переписки и внутриведомственных сношений в прусском министерстве иностранных дел уже на третий день после его восшествия на престол. И в дальнейшем он играет важную роль в формировании будущих чиновников и придворных. Для них создаются специальные учебники по эпистолярному этикету, в которых шрифтами четко разграничивается текст на родном языке (готика) и иностранном (латиница). Таким образом, исследователь показал, как французский язык повлиял на становление немецкой культуры делового общения в эпоху Просвещения.

Конференция закончилась выступлением организаторов, подведших итог работе и наметивших важные перспективы изучения франкофонии в XVIII и XIX веках – разработка проекта и создание истории франкофонной литературы и словаря франкофонных писателей.

*Д.А. Кондаков, кандидат филологических наук, доцент
(Полоцкий государственный университет)*